

"СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК" В СОЦИОЛОГИИ ЮРИЯ ЛЕВАДЫ

Автор: Л. Д. ГУДКОВ

Одной из важнейших проблем современных социальных и гуманитарных наук можно считать неразработанность дисциплинарных представлений о человеке. Такое утверждение покажется странным и вызывающим, но это так. В ходу у каждой из наук свои жесткие аксиоматические конструкции "человека", построенные на тех типах действия, которые составляют предмет описания в этих дисциплинах. Так, в экономике это преимущественно модель целерационального действия, ориентированного на минимизацию издержек в своем поведении, достижение целей, инструментальность поведения и т.п. По этой схеме часто моделируется и внеэкономическое поведение, лишённое признаков целевых ориентации (доверие, отношение к детям и т.п.), что оборачивается переносом на сферу культуры (сферу символических значений, ценностей, памяти и т.п.) редуцировано-упрощенных неэмпирических представлений о человеке: скажем, постулируются стандартизированные представления об "удовлетворении тех или иных потребностей" или реализации "социальных императивов" (например, признания претензий на статус, самоутверждение и пр.).

В других дисциплинах, например, в филологии и рецептивной эстетике такой конструкцией человека служит "идеальный читатель", полностью соответствующий требованиям филолога, предполагающим максимальную полноту знаний соответствующих текстов и нормативных правил их понимания и толкования. Для антрополога или этнографа роль такой схемы будет играть "человек - носитель всей полноты традиций", ритуалов и т.п.

Переходы или связки между отдельными конструкциями в этих обстоятельствах невозможны, поскольку исследователи, руководствуясь своими нормативными представлениями о том, что и как нужно изучать, обычно пренебрегают подходами других дисциплин. Тем самым собственная ограниченность средств понимания у этих исследователей возводится в ранг онтологии или философии соответствующей проблемной области изучения. А это значит, что любые более или менее сложные явления культуры или фактов человеческого поведения остаются не проработанными в теоретическом плане, вытесненными, поскольку для их описания нет адекватных понятийных конструкций человеческих действий. Отсюда следует, что сфера антропологического остается, в лучшем случае, поводом для виртуозного разбора индивидуальных состояний конкретного человека (в художественной литературе или эссеистике), описанием уникальных событий, примеров, не могущих быть обобщенными и доведенными до степени инструментализации приемов исследовательского анализа и объяснения.

Признание "исключительности" таких достижений равносильно заключению, что им нельзя научиться, что подобная работа не может быть повторенной другими. Разумеет-

Г у д к о в Лев Дмитриевич - доктор философских наук, директор Аналитического Центра Юрия Левады (Левада-Центр).

ся, антропологические представления все равно вводятся, но они, как правило, не осознаются и не контролируются в рамках обычных методик, конституирующих соответствующие дисциплины. Чаще всего ими оказываются самые распространенные, рутинные, а потому наименее отрефлектированные представления о человеке. В этих случаях операциональные, методически выверенные специализированные представления о типовом или массовом человеке подменяются оценочными суждениями о людях, характерными для какой-то социальной группы, или пониманием социального множества людей как совокупности или даже суммы отдельных, конкретных (а потому как бы "целостных" в личностном и психологическом плане) людей. В итоге, помимо опасности внесения скрытых оценок в интерпретируемый материал, превращения их в научные предрассудки, сохраняется непонимание того, что социальные типы "человека" неравным образом представлены в разных частях, в разных институтах или социальных слоях общества, что работают культурные механизмы селекции этих типов, а значит - действуют разные механизмы социальной и культурной репродукции.

Наиболее частыми формами внесения таких дисциплинарных предрассудков в систему объяснения оказываются психологизация, приписывание человеку готовых ("естественных") мотивов действия, либо мифологизация, натурализация исторических и социальных понятий, внесение в работу идеологических проекций интерпретатора. Нетрудно заметить, что цена такого подхода очень высока: из нашей гуманитарной сферы полностью исчезли все сколько-нибудь важные проблемы, которые могли быть связаны, например, с моралью, - тематика социальной зависти, ненависти, коллективной низости, двоемыслия, предательства, цинизма, разложения, но точно так же и солидарности, идеализма, веры, терпимости и т.п.

Задачи выработки такого языка описания и интерпретации новых явлений ставились только на ранних фазах социологии как дисциплины. Это был уникальный момент в истории науки - переживания и одновременного осмысления ранних фаз модернизации, когда прямо на глазах исследователей происходили столкновения, сочетания, соединения смысловых пластов, институциональных систем, человеческих типов, верований и убеждений, принадлежащих к стадияльно разным временам (что собственно и заставляло думать над их объяснением). Отцы социальных наук оказывались вынужденными каким-то образом синтетически интерпретировать гетерогенный смысловой материал, стараясь при этом не терять специфики его составляющих.

Если посмотреть на работы Ф. Теннеса, М. Вебера, Г. Зиммеля, М. Шелера, Э. Трельча, Ф. Знанецкого, Э. Дюркгейма, М. Мосса и множества других их современников, то мы увидим фактически все то, что стало впоследствии классикой социологии и было обусловлено сознанием необходимости решить проблемы фиксации подобных структур взаимодействия. Масса усилий ученых того времени была положена на отслеживание того, как соединяются разновременные нормы и представления в структурах господства, экономики, права, религии, музыки, социальной структуры и т.п. Речь не только о таких идеологически рафинированных вещах, как "понятие и конфликт современной культуры", как это было сформулировано Зиммелем, но и об его исследованиях по "философии денег", возможностях прослеживания "перевода" "иррациональных" явлений, аффектов (любви, познания и пр.) в формы, доступные квантификации и измерению, а значит - механизм денежного (символического) выражения и соизмерения ценностей.

Г. Кельзен, в свою очередь, прослеживал происхождение современных правовых принципов из различных культурных источников, их связи и синтеза (например, трансформации "вины" в категорию причинности, а затем и ответственности в формальные юридические и неюридические категории). Социология Вебера принципиально и осознанно строилась как анализ взаимосвязей и взаимовлияний различных сфер жизни - социальной, экономической, религиозной, правовой и др. - друг на друга в процессах становления современного общества.

Общий урок, который мы можем вынести из опыта работ того времени, сводится к следующему: более продуктивным было бы не вытеснение или исключение отношений,

не вписывающихся в схематику целевого рационального поведения (упрощенно позитивистская модель человека), но трактовка их как взаимодействия, а значит, видение человека, способного на сочетание, осмысленной связи разных значений (по принципу "метафоры", шарнира, сочленения разных систем) и, соответственно, разных пластов культуры, являющихся ресурсами тех или иных групп или институтов, способных ориентироваться и учитывать в своем поведении точки зрения, нормы и интересы разных действующих лиц или институтов.

Современный человек включен во множество различных институциональных отношений, а потому подчиняется их требованиям или разделяет соответствующие групповые предпочтения, ценности, пристрастия, фобии и т.п. При этом групповые или институциональные императивы почти всегда оказываются между собой в некотором противоречии, претендуя на полноту своего влияния на человека. Эта разорванность сознания, типичная для развивающегося или, правильнее сказать, дифференцирующегося общества (еще недавно представлявшегося целостным и органичным), для многих интеллектуалов тождественна социальной шизофрении. Однако данный диагноз может быть верен лишь в случае, если сохраняется жесткий социальный контроль над символической сферой (когда можно говорить об инерции господствующей идеологии, реже - государственной религии).

Если же институты такого рода разрушены или находятся в стадии разложения, то ключевую роль в условиях модернизации приобретают механизмы смысловых переходов или субъективной связи между отдельными сферами общественной жизни, групповыми или институциональными барьерами, гибкие структуры генерации смыслов, позволяющих или обеспечивающих интерпретацию текущих событий, оценку и определение происходящего в обществе и мире. Их место занимают институты принципиально другого рода - элиты, публичная сфера с ее многообразными формами межгрупповой коммуникации, мода, искусство, массовая культура и другие общественные образования, занятые перекодировкой, переинтерпретацией значений одного плана в категориях другого, третьего, четвертого и пр., раскрывающие, какой смысл приобретает, допустим, профессиональный успех (менеджера, ученого, писателя, военного и т.п.) в категориях социальной стратификации (социального статуса, общественно признанного положения) или экономики (уровень дохода) или культурной авторитетности, публичности и т.д.

Чем дифференцированнее, чем сложнее устроено общество (многообразнее по своей групповой или ценностной структуре), тем более важной оказывается задача теоретического представления механизмов смысловых и социальных переходов, поскольку именно благодаря им удерживается целостность и интегрированность общества. Но во многих случаях не менее значим и обратный ход - акцентирование внимания на том, что сдерживает процессы дифференциации и специализации социальной системы, какой тип человека блокирует потенциал развития общества, благодаря бесконечной адаптации ("терпению") к авторитарному и традиционно-патерналистскому репрессивному государству обеспечивая консервацию базовых структур этого общества. Другими словами, для учета и описания сложности и гетерогенности трансформирующегося общества необходимы адекватные теоретические конструкции человека (типов социального действия), позволяющие фиксировать не просто многообразие его ценностных ориентации, нормативных предписаний, оценки ситуации, вытекающих из разновременных и институционально не согласованных источников, но и их ситуативный синтез в актуальном поведении, обеспечивающий "баланс" субъективной стратификации, морального самочувствия, адаптации или протестной мотивации. Без понимания сложности этих теоретических и методологических задач текущая исследовательская работа в социальных науках превращается в эпигонское повторение чужого опыта или плохо скрываемую идеологическую пропаганду.

Все эти вводные соображения нужны исключительно для того, чтобы прояснить рамки задач, которые ставил перед собой и решал Ю. Левада. Главным своим делом (по крайней мере, последних 15 - 18 лет своей жизни) он считал работу над исследователь-

ским проектом "Простой советский человек", ставшим центральной темой для той социологической группы, которую он возглавлял. Однако подчеркну, что реализации этого проекта предшествовала значительная теоретическая работа Левады по анализу антропологических конструкций в социальных науках и выработке нового концептуального подхода к самой проблеме человека как связи различных компонентов общества и культуры (инструментальной, нормативной и символической подсистем).

Ранние работы Левады - условно отсчитывая от его социально-философских занятий мифологическим сознанием и системными исследованиями¹ - лишь указали на проблему, но не дали концептуальных ключей для ее рассмотрения и развертывания. По-настоящему разбираться с этими вопросами Левада начал, только пройдя основательную школу структурно-функционального анализа в социологии (уже возглавляя отдел методологии исследования социальных процессов в Институте конкретных социологических исследований АН СССР).

Первым результатом этого этапа стали статьи, легко объединяемые в одну серию благодаря их общей логике и последовательности рассмотрения вопросов соотношения социальной системы и культуры (социальной, временной и пространственной организации социума) [Левада, 1974; Левада, Левинсон, Долгий, 1974; 1976; Левада, 1980]. Предельно сжатые, практически без примеров и иллюстраций, эти (как и последующие) работы имели строго концептуальный характер. В условиях, когда Левада был практически лишен возможности печататься и вынужден использовать любые предложения для аналитического изложения своих идей. Но сам тематический выбор - "город как институт" или "город как модель социальной и репродуктивной системы" - был вполне оправдан и не носил конъюнктурного характера. Урбанизация рассматривалась как удобный для теоретического разбора процесс изменения институциональных и культурных механизмов (сочетания разных временных и символических слоев, пространственных форм взаимодействия, дифференциации и т.п.). Поведение индивида в этой системе было обусловлено всевозрастающей автономией выбора, трансформацией нормативных правил, усилением значимости символических (ценностных) ориентиров и т.п., что в целом и моделировало условия для разработки аппарата сочетания разных функциональных императивов организации действия.

Однако была еще одна необходимая фаза работы (если выстраивать условно-ретроспективную последовательность решения Левадой своих внутренних задач): критика рационалистических установок в социальных и экономических науках. Критика здесь понимается в кантовском смысле, а не как обличение "предрассудков" исследователей. Этому были посвящены три чрезвычайно важные статьи², содержащие в концентрированном виде теоретические послышки для выработки расширенной теории действия - концепции сложного, закрытого социального действия - "игры" (см. [Левада, 1993, с. 99 - 122]). Если обычно социология ограничивается несколькими (обычно двумя-тремя) из целого ряда типов социального действия, предложенных в свое время Вебером (целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное, аффективное и т.п.), или схематической конструкцией "социальной роли", то Левада предложил новый подход к действию, где актер связывает разные плоскости значений - символические, норматив-

¹ Я имею в виду такие монографии и статьи Левады, как [Левада, 1965; 1966; 1969], а также концептивно изложенные идеи в статьях из "Философской энциклопедии" (т. 5. М., 1970), произведшие в свое время очень сильное впечатление на читающую публику - "Традиция", "Фашизм" и другие. Предыдущие работы, например, "Современное христианство и социальный прогресс" или об А. Швейцере, о религиозном гуманизме и др., как мне кажется, еще не затрагивали этих тем.

² Печатавшиеся в разных малотиражных институтских сборниках, они, как и "урбанизационные" работы, были почти не известны широкой публике. В 1993 г. сотрудники Левады (Б. Дубин, А. Левинсон и я) собрали их в один сборник [Левада, 1993]. На него я и ссылаюсь при указании на эти работы - "Социальные рамки экономического действия", "Проблемы экономической антропологии К. Маркса", "Культурный контекст экономического действия".

ные, институциональные, временные, пространственные - в единую структуру действия. Игра - это субъективная проекция культурных значений на плоскость социального действия, позволяющая действующему и его партнерам структурировать ситуацию и свое поведение (предвидеть, организовать свое поведение, придать ему смысл в ограниченных рамках контекстуального целого, устанавливаемых игроками).

Подвергнув критическому анализу романтические, социально- или зоопсихологические подходы к игре, Левада фиксирует важнейшие элементы этой структуры закрытого (или "возвратного"), как я бы сказал, обращенного к самому себе, действия. Действия, задающего себе смысл и значения поведения в неопределенном поле возможных ситуаций и альтернатив: *ценностно-ролевая идентификация* ("свои-

чужие"), "сюжетная" идентификация (*смысл и значение отдельных компонентов поведения внутри целого*) и, наконец, *дифференцированное восприятие всего "целого"* (сюжет обозримого фрагмента действительности, наделяемого смыслом и значением, - война, экономическая конкуренция, кокетство, спортивное состязание, защита диссертации как доказательство ученого достоинства и пр.). "Игровая структура действия как замкнутая культурно-обособленная форма - категория идеально-типическая; никакой из видов признанного и институционализированного игрового поведения ей полностью не соответствует. В то же время нельзя обнаружить такую форму или сферу человеческой деятельности, которая не испытывала бы влияния игровых структур и которая не могла бы - в определенных своих узлах - при соответствующих условиях трансформироваться в игровую. Культурно замкнутое пространство игрового действия не только существует параллельно или на "полях" обычной, "открытой" пространственной структуры общества; оно может появляться (или проявляться) в любой точке такой структуры, более того, служить средством ее организации... Структура игрового действия, вынесенная за пределы (идеально-типической) игры "как таковой", превращается в своего рода рамку, накладываемую на некоторый "поток" событий с явной или неявной целью его упорядочить, т.е. представить в виде какой-то регулярности, рациональности, целостности. Игровая структура в качестве рамки может быть сопоставлена с концептом "предвосхищающей схемы" в когнитивной психологии, где такая схема считается средством подготовки индивида к принятию информации определенного вида. Однако задача - и соответственно структура - игровой рамки более сложна, поскольку она организует не познание, но целый комплекс поведения. **Наиболее общие признаки игровой рамки - представление цепи деятельности как конечной и рациональной** (даже в модели чисто случайной, азартной игры можно усмотреть рациональность методологии "черного ящика"), **упорядоченная и обозримая связь действия и эффекта (достижимые цели достижимы, возникающие проблемы разрешимы, жертвы вознаграждены и т.д.)**, наконец, как уже отмечалось, - "человеческие" масштабы всех подобных процедур (выделено мной. - Л. Г.). Само применение подобных рамок означает непереносимое - явное или неявное - обособление определенных сторон реальности ("культурный барьер"), формирование замкнутого социокультурного пространства - времени... игрового действия. "Вездесущность" игровых структур объясняется тем, что "замкнутые" фигуры действия - одно из универсальных средств упорядочения, структуризации событийного потока человеческого существования (а лишь будучи упорядоченным, оно выступает как "жизнь", т.е. как предмет целостного осмысления, ориентирования, проигрывания). Ведь игровое упорядочение ("замыкание") социальной деятельности не только формирует ее структуру в соответствии с человеческими масштабами и желаниями (как индивидуальными, так и социально-организованными на любых уровнях), но и позволяет постоянно реализовать эти желания, получая соответствующее мотивационное подкрепление (игра может рассматриваться как очевидный пример "внутренне мотивированного действия" [Левада, 1993, с. 110 - 112].

Концепция идеально-типической конструкции сложного (сложносоставного, закрытого) социального действия как условия для работы с антропологическими представлениями в эмпирических социальных науках стала методологическим регулятивом в исследовательской работе Левады. Проблема человека как базового института приобре-

стр. 20

ла в условиях социального разлома особое значение - уже не только теоретическое, но и моральное, практическое, - став условием осмысления возможностей выхода из тоталитарного режима, состояния "общества-государства". Актуальность такого рода исследовательских задач совершенно ясно сознавалась Левадой (именно потому "Простой советский человек" стал одним из самых первых крупных проектов ВЦИОМ, нацеленных на фиксацию массовых оценок текущего состояния населения и перспектив его изменения).

Проблема "советского человека"

Исследовательский проект был начат весной 1989 г. Тогда и было проведено первое обширное по тематическому охвату и принципиально новое для отечественной социологии исследование³. В несколько сокращенном и измененном виде оно повторялось в 1994, 1999 и 2004 гг., что позволило сравнивать полученные результаты, фиксировать тренды либо устойчивость массовых реакций, анализировать симптоматичные изменения.

Идеологема "нового", или "советского человека" возникла в 1920 - 1930-х гг. как постромантическая версия субъекта исторических изменений. Исключительность условий и цели строительства социалистического общества должны были поддерживаться параллельным тезисом о формировании людей совершенно

особого, необычного склада. Такого рода мифологемы характерны для ранних этапов тоталитарных режимов (его аналоги можно найти и у нацистов в Германии, и в фашистской Италии). Но если по отношению к нацизму или фашизму не приходится говорить о проблеме репродукции этого "человека" в силу относительной краткости существования данных режимов (12 и 20 лет), уничтоженных в результате военных поражений, то по отношению к советскому тоталитаризму вполне оправдан вопрос о том, как, в какой степени советские социально-экономические, пропагандистские или репрессивные институты влияли на структуру личности, формировали ее, а в какой - этот сложившийся тип личности обеспечивал функционирование и репродукцию описываемой институциональной системы⁴.

Первые попытки засвидетельствовать реальность человека социалистического общества, эмпирическое (а не идеологическое) существование человека принципиально другого типа, нежели до сих пор известного в истории, приходится на конец 1950-х гг. В 1958 г. выходит книга немецкого политолога, писателя и советника К. Аденауэра К. Менерта "Советский человек", мало известная у нас, но имевшая в свое время значительный резонанс в Западной Германии⁵. Несколько позже появляется "теоретический" труд под тем же названием одного из официальных советских идеологов Г. Смирнова [Смирнов, 1971] и бесчисленное количество работ "научных коммунистов", всячески развивавших основные его тезисы. Вполне логично, что за этим последовали и эмигрантские полупародии или перелицовки самой идеи "советского человека" (А. Синявского, А. Гениса и П. Вайля, А. Зиновьева). Попыток же всерьез озаботиться тем, на-

³ Замысел, теоретическая проработка этого проекта принадлежали именно Леваде; на долю остальных его сотрудников выпала задача реализации отдельных звеньев общей работы. Результаты первого опроса были изложены в коллективной монографии [Советский... 1993]. Ей предшествовало немецкое издание книги, а затем последовала и французская версия.

⁴ Попытки найти соответствие между социальным характером и общественным порядком или экономической системой предпринимались практически с самого возникновения социологии как науки. В 1920 - 1930-х гг. американские социологи были озабочены выявлением "базовой личности" - социального характера, типичного для данной социально-экономической системы. Позднее, в 1945 - 1946 гг. группа социальных психологов и философов под руководством Т. Адорно стремилась выявить черты "авторитарной личности", фашизоидного человека, служащего предпосылкой развития и элементом фашистского режима [Адорно... 2001]. В свернутом виде представления о доминирующем типе социальных отношений лежат и в позднейших типологиях политической культуры (см., например, [Almond, Verba, 1963]).

⁵ Обычно ссылаются на второе, значительно переработанное и расширенное издание его книги, [Mehnert, 1967].

сколько глубоким было влияние советской системы на людей, сохранилось ли это влияние при смене поколений, то есть можно ли говорить о действии механизмов социальной и культурной репродукции и других теоретических вопросах, фактически не было.

Значимость этой проблематики только возрастала с течением времени, поскольку после первых лет реформ в России все сильнее и сильнее проступали консервативные или реставрационные тенденции. Причем, как показали результаты социологических исследований, одним из важнейших обстоятельств, блокирующих возможности изменений, трансформации системы социальных, политических или экономических отношений, являлся сам тип человека, сложившегося одновременно с формированием советской тоталитарной системы и выступающего в качестве ее опоры, а в настоящее время - и условия консервации и воспроизводства сохранившихся тоталитарных институтов⁶. Именно этот тип человека стерилизует довольно слабый потенциал реформ, противостоит тем группам или общественным силам, которые декларируют свою приверженность к либеральным и более гуманным формам общества. Распространенность этого типа и его функциональная роль отличают характер последующего развития России от других стран Центральной и Восточной Европы после краха коммунизма и распада социалистического лагеря.

Первые эмпирические исследования, ставшие возможными только в годы явного кризиса и краха советского режима, зафиксировали позднюю фазу существования советского человека, точнее - явления его разложения. Но разложение не означает исчезновение этого типа, отсутствие следов его воздействия. Напротив, чем дальше по времени мы уходим от первого замера 1989 г., тем более значительной представляется функциональная роль этого человеческого типа.

"Простой советский человек" понимается Левадой как идеально типическая конструкция человека, представляющая сложный набор взаимосвязанных характеристик, которые связывают и социальную систему (институционально регулируемое поведение), и сферу символически смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентации). Они подкреплены соответствующими механизмами социального контроля, а значит - набором различных санкций и гратификации. По мысли Левады, этот тип человека должен находиться в ряду таких моделей, как "человек играющий", "человек экономический", "авторитарная личность" и т.п., а не этнических образов или характеров, поскольку данный тип имеет парадигмальное значение для целых эпох незападных вариантов модернизации и разложения тоталитарных режимов.

Речь идет о *нормативном образце*, длительное время оказывавшем влияние на поведение значительных масс тоталитарного общества. Было бы слишком большим упрощением полагать, что навязываемый пропагандой, поддержанной различными репрессивными структурами и институтами социализации (школой, армией, СМИ), этот образец человека принимался "обществом" и усваивался в полном соответствии с интенциями власти⁷. Воздействие этого рода было неоднозначным, поскольку сам образец представлял собой сочетание очень неоднозначных, различных по происхождению элементов и комплексов, а его трансляция шла не только через официальные каналы и структуры социализации, но и через неформальные отношения (групповое принуждение, коллективное заложничество, конформистское единомыслие, общность фобий и предрассудков). Это была и структура массовой идентификации и коллективной интеграции, обеспечивающей солидарность с властью, утверждение общих ценностей и набор массовых самооценок и мнений о самих себе. Это были и принудительное, демонстративное изображение того, что хотела бы видеть власть, декларативное принятие ее

⁶ Конечно, сегодня уже нельзя говорить о целостной системе этих институтов. Как таковая она распалась, часть из них (ЦК КПСС, Госплан и другие) прекратила свое существование, но другие (ФСБ, армия, МВД, суд, школа), частично изменившись, продолжают функционировать.

⁷ Такова идея оккупационной власти, разделяемая многими критиками коммунизма.

требований и одновременно - лукавое или рабское подыгрывание ей. При том, что нереалистичность образца осознавалась людьми, сам по себе этот образец фиксировал их надежды, ожидания, ориентации.

Влияние образца "советского человека" не сводилось к прямому синхронному воздействию. В долговременной перспективе следует учитывать более сложные последствия его принятия, отвержения или трансформации отдельных составляющих (например, последствий самого подавления разнообразия, кастрации социальной, культурной и интеллектуальной элиты, состояния безальтернативности власти или политического выбора, нарастания апатии и аморализма в обществе и др.). Основу образца составляют представления:

- об *исключительности*, или *особости*, "нашего" (советского, русского) человека, его превосходстве над другими народами или, по меньшей мере, несопоставимости его с другими;

- его *"принадлежность"* *государству* (взаимозависимость социального инфантилизма - ожиданий "отеческой заботы от начальства" - и контроля над собой, принятие произвола властей как должного);

- *уравнительные*, антиэлитарные установки;

- *соединение превосходства с ущемленностью* (комплекс неполноценности).

Важно отметить, что каждая из этих характеристик представляет собой механизм управления антиномическими по своему происхождению или сфере бытования ценностными значениями, сочетания взаимоисключающих самоопределений или норм действия, придающих всему образцу неустранимый характер двоемыслия. В этом, собственно, и заключается основная функциональная роль данного образца - соединить несоединимое: официозный пафос героического служения и самопожертвования и принудительный аскетизм ("жила бы страна родная, и нету других забот"), политику форсированной модернизации сверху и искусственную бедность, оборачивающуюся индивидуальной незаинтересованностью в результатах работы, имперскую спесь и дефектность этнической идентичности (комплексы национальной неполноценности), подавление субъективности (цензура в науке и искусстве, утверждение эпигонства в интеллектуальной сфере) и навязывание преклонения перед мертвым классическим наследием, разрушение гражданской солидарности и массовые фобии перед чужим и незнакомым, и т.п.

Левада следующим образом определяет основные черты советского человека: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Такой набор характеристик свидетельствует "скорее об определенной принадлежности человека системе ограничений, чем о его действиях. Отличительные черты советского человека - его принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, но не его активность" [Советский... 1993, с. 24].

Советский человек - "это *массовидный* человек ("как все"), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, "прозрачный" (то есть доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменяемый, легко управляемый (на деле, подчиняющийся примитивному механизму управления). Все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме, и в то же время - это реальные характеристики поведенческих структур общества" [Советский... 1993, с. 8]⁸.

"Правильный" советский человек не может представить себе ничего, что находилось бы вне государства. Для него негосударственные медицина, образование, наука, литература, экономика, производство и т.п. или просто невозможные вещи, или (как это случилось уже в постсоветские времена) нелегитимные либо дефектные институты. Он целиком принадлежит государству. Это государственно зависимый человек, привычно

⁸ Хотя Левада считает, что "советский человек" в полном виде представлен лишь в одном поколении советских людей рождения примерно 1920-х гг., практически ушедшем в настоящее время, тем не менее этот тип захватывает гораздо больший период времени, чем это казалось нам в начале 1990-х гг. [Левада, 2005].

ориентированный на те формы вознаграждения и социального контроля, которые исходят только от государства, причем, государства не в европейском смысле (государства как отдельного от общества института), а пытающегося быть "тотальным", то есть стремящегося охватывать все стороны существования человека, играть в его отношении патерналистскую, попечительскую и воспитательную роль. Но одновременно он знает, что реальное государство его обязательно обманет, не даст что-то даже из "положенного по закону", будет всячески стараться выжать из него все, что можно, оставив ему минимальный объем средств для выживания. Поэтому он считает себя в полном праве уклоняться от требований власти (халтурит, подворовывает, "линяет" от разного рода повинностей). Он озабочен в действительности только тем, что важно для собственного благополучия или для своей семьи, и т.п.

Такого рода асимметрия отношений государства и человека (подданного) означает, что полнотой дееспособности, символической значимости, права обладает только власть или вышестоящее начальство, тогда как сам человек лишен права, голоса, способов выражения своих интересов, представлений. "Власть лучше знает, как надо для всех". Но это поверхностный взгляд. Более глубокое понимание такого человека заключается в том, что как власть пытается манипулировать населением, так и население, в свою очередь, управляет государством, пользуясь его ресурсами, покупая его чиновников для своих нужд. Это - симбиоз принуждения и адаптации к нему. Генетически это - человек мобилизационного, милитаризованного и закрытого репрессивного общества, интеграция которого обеспечивается такими факторами, как внешние и

внутренние враги, а значит - признание (хотя бы отчасти) оправданности требований лояльности власти, "защищающей" население, привычки государственного контроля (отсутствия возмущения или недовольства) над поведением обывателей во всех сферах жизни, привычка последних к самоограничению (принудительный "аскетизм" потребительских запросов и жизненных планов).

В отличие от европейского массового человека, "советский человек" разделяет эгалитаристские нормы, но понимает их как нормы антиэлитарные, снижающе-уравнивательные, как предпочтение ориентации на понижение, вульгаризацию или примитивизацию. Доминирующие латентные мотивы этого эгалитаризма - зависть, рессантимент, в свое время идеологически оправдываемый и раздуваемый большевиками, но сегодня чаще принимающий формы цинизма, диффузной агрессии вынужденной коллективности (лагерного типа), о которой писал В. Шаламов. Но в любом случае, результат - массовость без присущей западной культуре сложности и дифференциации. "Простота" в самоопределениях - вовсе не открытость миру и готовность к его принятию, а примитивность социального устройства, отсутствие посредников между государством и человеком. "Человек советский" вынужден и приучен следовать и принимать в расчет только очень упрощенные, даже примитивные образцы и стратегии существования, но принимать их в качестве безальтернативных ("немногое, но для всех").

По существу, эти ориентации на "простоту" представляют собой стратегии выживания, минимизации запросов и ценностных критериев, но дополняемые завистью, рессантиментом, с одной стороны, и пассивной мечтательностью и верой, что в будущем жизнь каким-то образом улучшится - с другой. Их недостаточная значимость дополняется не только угрозой репрессий, но и коллективным принуждением, общим заложничеством ("все в ответе за каждого"). Причем это заложничество охватывает все сферы взаимоотношений - семейных, рабоче-профессиональных, учебных и пр. Соответственно, особую, конституитивную для общества роль здесь приобретают различные *внутренние и внешние барьеры* социального действия, включая и неприятие субъективности, подозрительность к другим, отчужденность, различные формы дистанцирования или вытеснения всего непонятого или сложного. Так как основой ориентации в мире и понимания происходящего являются самые примитивные (самые общие и стертые, доступные всем) модели поведения (задаваемые "тотальными" институтами этого государства, в первую очередь - армией, полицией, государственным предприятием, школой), то принципами интерпретации и оценки социальной, политической,

стр. 24

экономической или исторической реальности могут выступать только недифференцированные в ролевом плане, а значит *персонифицируемые* отношения. Неизбежные социальные различия закрепляются в виде статусных различий, общественная жизнь приобретает характер множества закрытых для непосвященных пространств действия, изолированных друг от друга. Но внутри этих пространств удерживается относительная гомогенность льгот и привилегий. Поэтому этот эгалитаризм имеет очень специфический характер - это "иерархический эгалитаризм".

Происходящее на любом уровне социальной действительности воспринимается примерно так же, как коммунальная склока, самыми понятными, задающими код социального взаимодействия являются и самые вульгаризированные мотивы действия. Потому этот человек трудно изменяем, но им легко управлять (по крайней мере, в тех рамках, которые оказываются достаточными для интересов самосохранения власти). Он подозрителен в отношении всего "иного" и "сложного" (которое идентифицируется им как чужое и угрожающее), недоверчив (ибо не знает более сложных и высоких форм гратификации), пессимистичен (ибо весь опыт его свидетельствует о том, что государственная власть использует его как ресурс собственного существования, пытаясь по возможности решать свои проблемы за счет населения, всегда ценой снижения его уровня жизни и благополучия) и пассивен, так как любые частные усилия добиться чего-то лучшего в этой жизни могут стать основанием для репрессий и жестких санкций со стороны и власти, и окружающих.

Зная, что добиться чего-то выходящего за рамки допустимого для всех невозможно, этот человек весьма завистлив и хронически тревожен [Левада, 2004]. Любые состояния неопределенности, многозначности, резкого усложнения ситуации вызывают в нем смесь фрустрации, агрессии и астении, внутреннего "психологического" истощения, так как длительное подавление извне мотивов достижения, работы для себя, самодисциплинирования, являющегося обязательным условием для планомерной (в этом смысле - институционально поддержанной) деятельности самообеспечения, парализовало в нем механизмы самоорганизации и поддержания в активном состоянии. Этот тип человека характеризуется специфической индивидуальной безответственностью, склонностью к переносу вины за свое положение на любых

значимых других - правительство, депутатов, чиновников, начальство, западные страны, приезжих и т.п., но никогда не на самого себя.

Сами характеристики этого человека можно считать "типичными" (они широко распространены, хотя и не обязательно принадлежат абсолютному большинству). Чтобы сохранять свою нормативную значимость, оказывается вполне достаточным, чтобы они были присущи 30 - 40% всего населения. Принципиально важным оказывается распределение этих характеристик в обществе - наличие их у групп, выступающих для других в качестве *образцовых, или навязывающих* их другим в качестве принудительных моделей. Их набор выступает как нормативная доминанта человеческих типов; с этим набором образцов (социальных и культурных паттернов) должны считаться другие акторы, когда данные взгляды преобладают в общественном мнении. Сама по себе устойчивость описываемого набора качеств означает, что этот антропологический тип не просто выполняет функции шаблона, образцовой модели человека, но что он подкреплен соответствующими механизмами социализации, социального контроля, различного рода институциональными и групповыми санкциями, коллективным принуждением. Это и официальная картина коллективного человека (его образ, через отнесение к которому происходит самоопределение коллективной массы), и тактика приспособления отдельных индивидов к общим требованиям.

Каждый из перечисленных признаков или характеристик представляет собой свернутое или конденсированное выражение истории институционализованных практик и идеологических трансформаций на протяжении, по крайней мере, с 20-х гг. XX в., хотя, видимо, часть из них имеет гораздо более длительную предысторию или укорененность в традициях русского политического и социального крепостничества. Так, очень сложная по составу и функциям характеристика, как "исключительность", "особость", прин-

стр. 25

ципиальное отличие "нашего человека" (советский, русский) от всех других, его неповторимость, могла получать на протяжении десятилетий самое разное наполнение - от утопии "нового человека", строителя нового, небывалого мира, его превосходства в моральном, психологическом, героическом или творческом плане над всеми другими до уничижительного "мы хуже всех", "мы нация рабов", или уж совсем вырожденное и остаточное представление об уникальности "православной цивилизации русских", быстро расплывшееся в 1990-х гг. после краха СССР. Но как бы ни ставился акцент в значениях этой составляющей - это может быть уверенность в своей избранности или гордость за героическое прошлое, ракетно-ядерное превосходство, компенсаторное утверждение своей исключительности или защитный изоляционизм, - важно, что, несмотря на свою амбивалентность, данная характеристика выполняет роль границы своего и чужого, не допуская сравнения с другими, а соответственно, переноса на "себя", применения к себе значений других обществ или культур, другого определения человека, его достоинств и прав.

Вне зависимости от того, как в тот или иной момент трактуется или понимается смысл собственной исключительности, какими значениями она наполняется, функциональная роль этого компонента сознания советского человека заключается в *подавлении возможностей универсализации человека, его ценностных значений*, недопустимости применения к нему таких же мерок, что и на Западе. Защитным барьером всегда будет выступать идея особенного пути, несовместимости "нашей" жизни с тем, как живут в "нормальных странах", "совка", "русского человека" с "западным"⁹.

Массовые представления о роли государства и соответствующие ожидания сводятся к тому, что власти должны заботиться о населении, обеспечивая его основные потребности - работы, жилья, прожиточного минимума, социального обеспечения, образования и т.п. Население же обязано поддерживать власть, работать, защищать "интересы государства", "сознательно" принимая все, что от него требует власть, как "исполнение своего патриотического долга" или гражданских повинностей. Сами по себе эти нормы уже апеллировали к до-современному коду и порядку отношений, лишенному эквивалентности, договорности, участия, взаимной ответственности и другим правилам и ценностям современного общества. Реально эти взаимные ожидания властей и населения никогда не оправдываются, и здесь даже система жесткого принуждения и террора давала очень ограниченный эффект. Принудительная бедность (или "скромность") существования, умеренность запросов населения оборачивается лукавостью крепостного сознания, демонстрирующего лояльность власти, приверженность ее лозунгам, но предпочитающего ценности частной семейной жизни.

Государственный патернализм по мере утраты идеологии превращается в произвол администрации. Неподконтрольность власти сама по себе становится принципом легитимности всей структуры (принципом иерархического "распределения свободы и типов действия, социальных ролей, по социальным статусам"), дополняясь все более широким распространением коррупции (компенсирующей жесткость репрессивного управления и ограниченность связей управления) и, соответственно, устойчивым массовым недоверием к представителям власти, дискредитации всех властных институтов. Вместе с тем инерционные ожидания, что власти смогут сделать что-то для улучшения материального положения основной части населения, сочетаются с покорным сознанием безальтернативности наличного социального порядка, неизменности социальных институтов, до-

⁹ Внешние заимствования (технологий, риторики гражданского или правового общества, символов современности и т.п.) всегда предполагают нейтрализацию или выхолащивание прежних смыслов и наделяния воспринятого собственным значением, вписыванием заимствований в свой контекст. Именно благодаря изменению функциональной роли образца и происходит адаптация чуждых категорий и понятий к отечественной реальности. Режим В. Путина немислим без разного рода идеологических эполет "большого стиля" и бантиков "строительства управляемой демократии", "диктатуры закона", "гражданского общества" и борьбы "наших" (по существу, своего рода штурмовых отрядов правящей партии) с "фашизмом".

стр. 26

полняемых постоянной практикой вытеснения государственной бюрократией любых иных форм самоорганизации и самообеспечения общества.

Все вместе это вызывает общую апатию, безучастность, пассивность граждан, инфантилизм населения, распространение так называемого "подросткового сознания" (ограниченность понимания других, легкость вызываемой агрессии, комплексы неполноценности, непреходящее чувство зависимости и дирижирования извне, и т.п.). Подобный режим двоемыслия (мозаичность сознания, партикуляризм, способность соединять кажущиеся несовместимыми нормы и представления) порождает человека достаточно эластичного, чтобы выносить внешнее давление и контроль ("русское терпение"), и вместе с тем не способного к коллективной солидарности или систематической рационализации собственного действия, готового приспособиться к любым переменам в своем положении ценой снижения запросов и качества жизни (выбор "понижающих стратегий жизни") [Левада, 2006, с. 202 - 212, 224 - 232].

Эти характеристики относятся и к тому, что можно условно назвать "элитой" (интеллигенцией), демонстрирующей открытую лояльность власти (или, по меньшей мере - отсутствие нелояльности) при некоторой степени скрытого сопротивления социальному контролю и принуждению, однако всякий раз капитулирующей перед начальством, если давление становится выше привычного. Принципиальное отличие советской интеллигенции от западных элит заключается в том, что в ее функции не входят задачи выработки новых образцов, обеспечения инновационного развития, поддержания ориентации на достижение максимальных результатов в своей области.

Несмотря на внешнее сходство их профессиональных занятий, образования и т.п., эти два типа элит играют совершенно разную роль в обществе. В моральном плане отечественная элита, как следует из социологических опросов, практически не отличается от основной массы населения в своих представлениях о человеке, в ценностных ориентациях и уровне своих запросов. В постсоветское время научная и культурная верхушка, ставшая "экспертным" сообществом, испытывает все в большей и большей степени процессы деградации, постепенно отказываясь от собственно инновационных задач и все чаще ограничиваясь традиционалистской стилизацией имперского наследия¹⁰.

"Человек советский" в условиях деградации советских институтов

Модель советского человека, описанная по результатам первого исследования 1989 г., в ситуации краха советского режима, нуждалась не просто в дальнейшей проверке (насколько устойчивы ее элементы в отдельности и система в целом), но и в выяснении целого ряда вопросов: как ведет себя этот человек в ситуации рутинизации исторического перелома, разложения закрытого общества, уставшего от постоянного режима мобилизации, общества, не имеющего позитивных ориентиров и целей, общества с негативной идентичностью. Поэтому усилия Левады и исследователей, группировавшихся вокруг него, были

сосредоточены на изучении разных институциональных условий сохранения "человека советского" и разных состояний, в которых он проявлялся (человек энтузиастический, обыкновенный, ностальгический, ограниченный, коррумпированный, протестный и др.)¹¹. К этой работе примыкает разбор некоторых механизмов, обеспечивающих целостность его идентичности: комплекс жертвы, структура истори-

¹⁰ Другими словами, мы имеем дело с тем, что можно назвать "антикультурой", если сравнивать этот тип человека и его систему ценностных и нормативных ориентации с "европейским" комплексом императивов самокультивирования, самообразования, воспитания, аристократического или меритократического облагораживания, имевшего место в XIX в.

¹¹ После 2000 г., когда вышла книга "От мнений - к пониманию", Левада опубликовал, помимо прочего, более 20 статей по проблематике "советского человека". Работы последних шести лет по этой тематике, регулярно появлявшиеся в журнале нашего центра "Вестник общественного мнения", собраны им в книге "Ищем человека".

стр. 27

ческой памяти, символы прошлого и исторические рамки самоопределения, феномены негативной мобилизации, астенический синдром, функции разнообразных "врагов" и динамика фобий, значение имитации большого стиля для поддержания основных ценностных образцов, роль институтов насилия и их трансформация, специфика существующей системы образования, и другое.

Крах советской системы, вызванный невозможностью воспроизводства высшего уровня управления, не затронул кардинальных оснований этого общества-государства. Распад системы выражался прежде всего как борьба различных фракций номенклатуры, ее второго и третьего эшелонов. Предопределенность кризисов в тоталитарных режимах вызвана отсутствием институционально упорядоченных и урегулированных правил передачи власти, точнее - их принципиальной недопустимостью, невозможностью для власти, которая сама по себе конституирует социальный порядок, контролировать население, будучи, в свою очередь, ничем не ограниченной. Поэтому каждый цикл тоталитарных режимов определяется сроком жизни очередного диктатора (или, как отмечал Левада, "короткими рядами традиции").

Попытки ограничения террора в условиях тоталитарного режима оборачиваются замедлением вертикальной мобильности и скрытыми процессами децентрализации, латентной апроприации властных позиций, что создает сильнейшие напряжения на нижележащих уровнях управления. В этом плане дефекты в репродуктивных структурах власти неизбежно вызывают периодические кризисы, решать которые можно только силовым образом. Но разрушение верхушки, распад системы институтов, при том, что значительная часть самих институтов осталась прежней (или подверглась минимальным, почти косметическим изменениям, переименованиям и т.п.), не означает, что начались интенсивные процессы социально-структурной, функциональной дифференциации, предполагающей автономизацию ведущих групп общества и их ценностей.

Попытки восстановить централизованный государственный контроль в прежнем объеме без сопутствующих социальных механизмов (террора тотальной, то есть не имеющей каких-либо зон ограничений, политической полиции, насаждения единой идеологии, атмосферы страха и т.п.) невозможны, поскольку без них нельзя подавить или сдержать постоянно возникающие неформальные (теневые, серые, сетевые) связи и структуры обмена ресурсами и коммуникации между различными группами и институтами. Быстрое распространение коррупции свидетельствует не столько о падении социальной морали, сколько о настоятельности потребности институционального согласования частных, групповых и институциональных интересов. Поэтому коллизии такого рода оказывают разлагающее воздействие на саму систему централизованного государственного контроля.

До определенного момента эти напряжения компенсируются привычным двоемыслием "советского человека", но лишь до известного предела, пока серьезно не затронуты надежды на "добраго царя" или попечительскую роль государства. Государственно-патерналистские установки оказываются значимыми для большей части населения страны, поскольку в условиях падения экономики и жизненного уровня у основной массы нет достаточных ресурсов для не зависящего от государства существования. Неудовлетворенность фактическими результатами этой деятельности государства становится почвой

социального протеста и дискредитации властей. Однако среда, где сохраняется потенциал социального протеста, отличается консерватизмом и неспособностью к самоорганизации, а потому это недовольство - недовольство социально слабыми, государственно зависимыми группами (бюджетников - работников госпредприятий и учреждений, пенсионеров). Иначе говоря, институциональные рамки "советского человека" сохраняют по инерции свою значимость, хотя уже далеко не в той мере, как это было в советское время.

Позднее Левада несколько пересмотрел и скорректировал основные выводы, к которым пришли участники исследовательской группы. Суть поправок и уточнений сводилась к тому, что "советский человек" потерял значение *образца* для массовых ориентации и идентификации. Он уже не воспринимается как носитель каких-то ценностных ка-

стр. 28

честв и свойств, как субъект новых отношений и, соответственно, лучшего будущего. С началом эрозии образца общество утратило представление о своем будущем, чувство направленного времени, пусть даже в форме казенного оптимизма или рутинной уверенности в завтрашнем дне. "В обстановке общественного кризиса латентные компоненты каждой антиномии (составляющей структуру образца *homo soveticus*. - Л. Г.) выступают на поверхность и превращаются в мощный дестабилизирующий фактор" [Советский... 1993, с. 24]. То, что составляло и образовывало "подсознание" "советского человека" - теневые, а потому аморфные, плохо артикулируемые значения социальности, касающиеся значений насилия как символического кода поведения, репрессивного контроля, недоверия к другому, страху перед ним, готовности к обману, агрессии и пр., - все это стало выходить на первый план, обретая уже не негативные, а позитивные определения и смыслы коллективной солидарности (значения "наших", "своих", "русских"), разрушающие потенциал гражданской солидарности, самостоятельности, демократии "участия", а не "зрительства", ответственности, но сохраняющие структуры негативной мобилизации и идентичности. Несмотря на разрыв между декларируемым и реальным уровнем изучаемых характеристик, значение советского "архетипа" вполне сохраняется.

"Тенденции реставрации (или реанимации) ряда характерных черт "человека советского" (изолированность от "человека западного", чуждого рациональному расчету, окруженного врагами, тоскующего по "сильной руке" власти, и т.д.) действуют после общепризнанного крушения идеологических структур и соответствующих им пропагандистских стереотипов, присущих советскому периоду. Это подкрепляет предположение о существовании некоего исторического "архетипа" человека, "архетипа", уходящего корнями в социальную антропологию и психологию российского крепостничества, монархизма, мессианизма и пр... Чем дальше уходит в прошлое его ("советского человека". - Л. Г.) собственное время, тем более привлекательным представляется оно массовому воображению. Демонстративная ностальгия, естественно, служит, прежде всего, способом критического восприятия нынешнего положения. Ее побочный продукт - поддержание в различных группах общества, вплоть до социально-научной среды, идеализированных моделей советского прошлого..." [Левада, 2006, с. 264].

В первые годы после краха советской системы среди более образованной части российского общества были довольно широко распространены представления о том, что новое поколение, социализированное уже в других условиях, окажется носителем совершенно иных ценностей, будет характеризоваться другой этикой, мотивироваться иначе, чем их родители и деды. Отчасти такие ожидания подкреплялись данными социологических исследований, говорящих о том, что молодежь не просто более образована, ориентирована на другие стандарты потребления, что она не испытывает обычных для старшего поколения страхов. Однако эти предположения оказались скорее набором иллюзий, а не прогнозами, основанными на теоретическом знании и фактическом материале.

Разрушение прежних образцов не сопровождалось какой-либо позитивной работой по пониманию природы советского общества и человека, выработкой других ориентиров и общественных идеалов. Ни общество в целом, ни какие-то отдельные группы оказались не способны к этому. Возобладали эклектические тенденции имитации прежних символических структур: ностальгия по былому величию, идеализация прошлого, прежде всего - мифологизация победы во Второй мировой войне, дореволюционного времени, обрядово-магическая сторона религиозного "возрождения" и пр. Главный итог этих 15 лет заключается в том, что общество, массовый человек приспособился, адаптировался, притерпелся к вынужденным изменениям, но оказался не в состоянии понять их или изменить условия своего существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адорно Т., Сэнфорд Н., Френкель-Брюнsvик Э., Левинсон Д. Л. Исследования авторитарной личности. М., 2001.

стр. 29

Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // *Философские проблемы исторической науки.* М., 1969.

Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки, 2000 - 2005. М., 2006.

Левада Ю. А. О построении модели репродуктивной системы: проблемы категориального аппарата // *Системные исследования: методологические проблемы.* Ежегодник. 1979. М., 1980.

Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России.* М., 2005.

Левада Ю. А. Сознание и управление в общественных процессах // *Вопросы философии.* 1966. N 5.

Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965.

Левада Ю. Статьи по социологии. М., 1993.

Левада Ю. "Человек советский". Четвертая волна: функции и динамика общественных настроений // *Вестник общественного мнения.* 2004. N 4 (72).

Левада Ю. А., Левинсон А. Г., Долгий В. М. К проблеме изменения социального пространства-времени в процессе урбанизации // *Урбанизация и развитие новых районов.* М., 1976.

Левада Ю. А., Левинсон А. Г., Долгий В. М. Урбанизация как социокультурный процесс // *Урбанизация мира.* М., 1974.

Смирнов Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности. М., 1971.

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М., 1993.

Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nation. New York, 1963.

Mehner K. Sowjetmensch: Versuch eines Portraits nach dreizehn Reisen in die Sowjetunion, 1929 - 1959. Stuttgart, 1967.

стр. 30